

The image depicts a fantastical scene set in a dimly lit library. An open book lies on a dark, draped surface. The left page is a deep blue, adorned with intricate gold patterns of stars and crescent moons. The right page is a blank, aged, cream-colored parchment. From the center of the book, a brilliant, swirling trail of golden light and sparks rises into the air, forming a graceful, S-shaped path. Several white doves are captured in flight, their wings spread, as if they are being drawn into or following the magical light. The background is filled with the warm, golden glow of numerous candles in sconces, creating a cozy and mysterious atmosphere. The overall composition suggests a story of magic, discovery, and the power of an ancient book.

Светлана Кошелева

**«Чужая буря и свой покой»,
Часть 1**

Светлана Кошелева

**«Чужая буря и свой
покой», Часть 1**

«Автор»

2026

Кошелева С.

«Чужая буря и свой покой», Часть 1 / С. Кошелева — «Автор»,
2026

Анна долго жила в ожидании — ждала слова, взгляда, ответа, который наконец всё расставит по местам. Её отношения с Максимом стали привычным напряжением: он оставлял дверь приоткрытой, а она всё надеялась, что однажды он её распахнёт. Но чем дольше тянулась эта неопределённость, тем тяжелее становилось дышать.

© Кошелева С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Светлана Кошелева

«Чужая буря и свой покой», Часть 1

Часть 1

«Чужая буря и свой покой»

Глава 1. Случайная встреча

Дождь начался внезапно — будто небо решило смыть с города пыль и суету. Капли забарабанили по крышам, застучали по стёклам витрин, и улицы, ещё минуту назад шумные и оживлённые, вмиг опустели. Люди бросились искать укрытие: кто в подъезд, кто в кафе, кто просто под козырёк магазина.

Анна стояла у автобусной остановки, вжавшись в стеклянный бок павильона, и смотрела, как потоки воды размывают очертания домов напротив. В руке она сжимала зонт, который так и не успела раскрыть: ливень обрушился слишком резко. Её пальто уже промокло на плечах, волосы прилипли ко лбу, а в мыслях крутилась одна и та же фраза: «Ну почему именно сегодня?»

Сегодня был особенный день. День, когда она должна была наконец-то сказать то, что копилось внутри месяцами. Но теперь всё шло не по плану. Автобус не ехал, телефон предательски молчал, а дождь, казалось, решил стать главным героем этого вечера.

— Вам, наверное, очень холодно, — раздался вдруг голос откуда-то сбоку.

Анна вздрогнула и обернулась. Рядом стоял парень в тёмно-синей куртке, капюшон которой он натянул почти до самых глаз. В одной руке он держал бумажный стаканчик с кофе, а другой неловко поправлял лямку рюкзака.

— Я... нет, всё в порядке, — машинально ответила Анна, хотя зубы уже начинали стучать от холода.

Парень чуть улыбнулся, будто понял, что она врёт.

— Держите, — он протянул ей стаканчик. — Там почти половина. И, наверное, уже не очень горячий, но хоть что-то.

Анна хотела отказаться — она не брала ничего у незнакомцев, это было её правило. Но в тот момент что-то внутри шепнуло: «Прими. Сегодня можно». Она взяла стаканчик, пальцы обожгло тёплым картоном.

— Спасибо, — тихо сказала она, глядя не на парня, а куда-то ему в плечо.

— Не за что. Меня, кстати, зовут Кирилл.

Она подняла глаза. В его взгляде не было ни навязчивости, ни желания произвести впечатление — просто искреннее участие. И от этого становилось спокойнее.

— Анна, — ответила она, впервые за вечер почувствовав, что день, возможно, ещё не испорчен.

Дождь не утихал. Автобусы по-прежнему не ходили. Но теперь они стояли рядом, и тишина между ними не казалась неловкой. Кирилл рассказывал что-то про то, как утром забыл ключи и полчаса звонил в домофон, пока соседка не вышла выгуливать собаку. Анна смеялась, сама не понимая почему, и чувствовала, как внутри медленно тает тот ледяной комок, который она носила с собой весь день.

А потом дождь начал стихать. Капли стали реже, небо посветлело, и город будто выдохнул после тяжёлого дня.

— Кажется, можно идти, — сказал Кирилл, оглядываясь на просветлевшую улицу.

Анна кивнула, но не спешила уходить. Ей вдруг захотелось, чтобы этот момент длился чуть дольше — этот нелепый, мокрый, но такой настоящий вечер.

— А ты... ты куда сейчас? — спросила она, сама удивившись собственной смелости. Кирилл улыбнулся, будто ждал этого вопроса.

— Да никуда особо. Просто домой. А ты?

— Тоже, — ответила Анна. — Но, может, по дороге... расскажешь ещё что-нибудь?

И они пошли рядом, оставляя за собой мокрые следы на асфальте, а где-то в глубине души у каждого уже зарождалось предчувствие: эта случайная встреча — не просто укрытие от дождя.

Глава 2. Не тот разговор

Они шли по мокрому тротуару, и капли, срываясь с крыш, падали им на плечи, будто ставили невидимые точки в конце каждой фразы. Кирилл рассказывал про собаку соседки — та, оказывается, каждый раз при виде него начинала громко лаять, будто подозревала в чём-то важном. Анна смеялась, и этот смех звучал непривычно легко, будто смывал с неё тяжесть дня.

Но где-то на краю сознания всё ещё висела та самая мысль, ради которой она вообще вышла из дома сегодня: разговор с Максимом. Тот самый, который она репетировала всю неделю, подбирая слова так, чтобы они не звучали как упрёк, не выглядели как мольба, а просто объяснили: «Мне важно знать, что между нами происходит».

Анна украдкой посмотрела на экран телефона — снова тишина. Ни сообщения, ни пропущенного звонка. Максим не отвечал уже несколько часов. Раньше он всегда писал: «Задержусь», «Еду», «Стою в пробке». А теперь — ничего. И эта тишина стала громче любых слов.

— Ты сейчас будто снова под дождь попала, — тихо заметил Кирилл, заметив, как её улыбка вдруг потускнела. — Только на этот раз без капель.

Анна хотела отмахнуться, сказать что-нибудь вроде «всё нормально», но вдруг поняла, что не хочется врать. Не этому парню, который просто отдал ей свой кофе и теперь идёт рядом, не глядя на неё с ожиданием, а спокойно, будто ей можно просто помолчать.

— Я сегодня должна была с кем-то поговорить, — призналась она, глядя себе под ноги, на тёмные круги от капель на асфальте. — С человеком, с которым... мы вроде как вместе. Но мне кажется, он уже не хочет меня слушать.

Кирилл не стал сразу отвечать. Не стал говорить банальное «он дурак» или «ты заслуживаешь лучшего». Вместо этого он чуть замедлил шаг, будто давая ей время досказать.

— Иногда люди замолкают не потому, что им нечего сказать, а потому что боятся сказать то, что на самом деле думают, — произнёс он спокойно. — И тогда проще вообще ничего не писать.

Анна подняла на него глаза. В его словах не было осуждения, только понимание — такое, от которого хотелось одновременно и плакать, и дышать свободнее.

— А ты откуда знаешь?

Кирилл усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Сам однажды так молчал. Думал, что если не скажу, то ничего и не случится. А потом оказалось, что именно это молчание всё и сломало.

Они дошли до перекрёстка. Светофор мигал жёлтым, машины проезжали редко, будто город тоже решил притихнуть. Анна остановилась, чувствуя, как внутри всё сжимается от мысли, что сейчас нужно будет попрощаться, вернуться к своей жизни, к этому тяжёлому разговору, который, возможно, уже ничего не изменит.

— Знаешь, я, наверное, пойду, — сказала она, сжимая в руке пустой стаканчик из-под кофе, будто он был якорем. — Спасибо за... за всё. За разговор. За кофе.

Кирилл кивнул, не пытаясь её удержать.

— Если хочешь, можешь не идти туда прямо сейчас, — тихо сказал он. — Иногда пять минут ничего не решают. А иногда — решают всё.

Анна улыбнулась, но улыбка получилась грустной.

— Пять минут не изменят того, что уже произошло.

Она достала телефон. На экране по-прежнему ни одного сообщения. И в этот момент она вдруг поняла: разговор, который она так боялась начать, теперь казался не столько попыткой всё исправить, сколько попыткой поставить точку.

— Ладно, — выдохнула она, убирая телефон в карман. — Я напишу тебе, если... если вдруг захочется просто поговорить. Без драм. Просто про соседскую собаку.

Кирилл достал из рюкзака ручку, нацарапал на салфетке номер и протянул ей.

— Давай я сам тебе напишу, — тихо произнёс Кирилл, чуть склонив голову, будто стараясь заглянуть ей в глаза. — Вдруг в следующий раз день будет солнечным.

Анна взяла салфетку, аккуратно сложила и спрятала в карман, рядом с телефоном. Свой номер она решила пока не давать — не потому, что Кирилл был ей неприятен, а потому, что внутри всё ещё гудело от невысказанного разговора с Максимом, и любое новое обещание, даже самое простое — «я отвечу на твоё сообщение» — казалось сейчас слишком тяжёлым.

И пошла вперёд — не спеша, но уже не так тяжело, будто этот вечер подарил ей не только укрытие от дождя, но и право на ещё один день, чтобы разобраться с тем, что происходит. В кармане тихо лежал кусочек салфетки с чужим номером, и от этого становилось не страшно, а как будто чуть надёжнее: будто где-то теперь есть человек, который не ждёт от неё ни объяснений, ни оправданий, а просто готов сказать пару слов про соседскую собаку, если вдруг станет совсем тихо.

А где-то в другой части города Максим наконец открыл её сообщение. Прочитал. Долго смотрел на экран, потом напечатал и стёр три разных варианта ответа. И в итоге отправил только одно: «Прости, сегодня не могу говорить».

Глава 3. Тишина, которая говорит громче слов

Квартира Максима казалась ему сегодня чужой — будто он зашёл в гости к незнакомому человеку и теперь неловко топчется у порога, не зная, куда деть руки. Дождь за окном уже стих, но стёкла всё ещё были усеяны мелкими каплями, похожими на застывшие слёзы. Он скинул куртку, не глядя повесил её на крючок — она тут же сползла на пол, но он даже не наклонился, чтобы поднять.

Телефон лежал на кухонном столе экраном вверх, будто обвинял его своим безмолвием. Максим то и дело бросал на него короткие взгляды, словно надеялся, что экран вдруг вспыхнет уведомлением, которое всё исправит, объяснит, снимет с него эту тяжесть. Но телефон молчал. А в голове крутилось одно и то же: «Прости, сегодня не могу говорить». Три простых слова, которые он отправил Анне, а потом ещё минут десять смотрел на них, будто они были написаны не его рукой.

Он прошёл на кухню, налил стакан воды, сделал пару глотков, но вкуса не почувствовал. Внутри всё было сухим, шершавым, как будто кто-то выскреб оттуда всё живое. И дело было не в усталости — он не так уж много сегодня работал, не так уж сильно вымотался. Дело было в том, что он давно уже чувствовал, как между ним и Анной растёт какая-то невидимая стена. Тонкая, почти прозрачная, но с каждым днём всё более непроницаемая.

Сначала это казалось мелочью: он стал отвечать на её сообщения чуть позже, чем раньше; перестал рассказывать про мелкие события дня, которые раньше казались важными; начал находить поводы задержаться на работе или «просто посидеть, подумать». А потом вдруг осознал, что эти поводы он ищет специально — чтобы не встречаться с её ожиданием, с её надеждой, которая светила в каждом слове, в каждом вопросе: «А ты когда придёшь?», «А мы сегодня увидимся?», «А расскажи, как день прошёл?».

И вот теперь она написала. Не с упрёком, не с обидой — просто хотела поговорить. А он стёр три варианта ответа и отправил ту самую безликую фразу, которая ничего не объясняла, но зато давала отсрочку.

Максим подошёл к окну, прижался лбом к холодному стеклу. Город внизу жил своей жизнью: кто-то спешил домой, кто-то только выходил на вечернюю прогулку, кто-то стоял у подъезда и смеялся над чем-то своим. А он чувствовал себя выключенным из этого движения.

«Я просто устал», — подумал он, и от этой мысли стало ещё тяжелее, потому что она была слишком простой, чтобы быть правдой. Да, он уставал. Но не так, чтобы не найти слов для человека, который столько для него значил. Проблема была в другом: он боялся этих слов. Боялся сказать: «Мне кажется, мы стали чужими», потому что знал, что после этого уже нельзя будет сделать вид, что всё в порядке. Боялся увидеть в её глазах ту боль, которую он сам и причинит. И потому выбрал молчание — как будто если не произнести это вслух, оно не станет настоящим.

Телефон снова тихо звякнул. Максим вздрогнул, метнулся к столу, схватил его. Но это было не от Анны — просто уведомление от какого-то сервиса. Он выдохнул и тут же почувствовал себя виноватым за этот выдох.

В комнате становилось темнее. Максим не включал свет — ему казалось, что в полумраке легче прятаться от собственных мыслей. Он сел на диван, уронил голову в ладони и вдруг с неожиданной ясностью понял: дело не в том, что чувства остыли. Дело в том, что он сам их задушил — день за днём, словом за словом, уклончивым взглядом и поспешным «я занят». И теперь эта тишина между ними была не отсутствием чувств, а их тяжёлым эхом.

Где-то в глубине души шевелилось желание всё исправить прямо сейчас: написать, позвонить, приехать, сказать хоть что-то настоящее. Но страх снова сковывал его, как ледяная вода. А телефон по-прежнему молчал. И эта тишина теперь казалась самой громкой вещью в его жизни.

Глава 4. Разговор сквозь километры

Анна сидела на краю кровати, подтянув колени к груди, и смотрела, как по стеклу медленно сползают последние капли дождя. В комнате было тихо — слишком тихо, и эта тишина будто подталкивала мысли к тому, что хотелось отодвинуть подальше. Она взяла телефон, несколько секунд смотрела на экран, а потом быстро, пока не передумала, набрала сообщение подруге.

Через пару гудков экран загорелся, и на нём появилось знакомое лицо — улыбчивое, чуть уставшее, но такое родное.

— Ну наконец-то, — выдохнула Лиза, едва увидев Анну. — Я уже думала, ты забыла, что у тебя есть подруга. Что случилось? Ты какая-то... не такая.

Анна хотела сказать «всё нормально», привычно отмахнуться, но слова застряли где-то в горле, а на глаза вдруг навернулись слёзы. И вместо «всё хорошо» вырвалось тихое, сдавленное: — Я так устала, Лиз.

И дальше всё пошло само собой: про то, как она весь день репетировала этот разговор, подбирая каждое слово, чтобы не звучать как обиженный ребёнок; про то, как стояла под дождём и чувствовала, что её план рухнет ещё до того, как начался; про молчание Максима, которое стало громче любого крика.

Лиза не перебивала. Она просто слушала, чуть наклонив голову, и в её взгляде было столько тепла, что Анне становилось чуть легче — будто кто-то тихо держал её за руку, даже через экран.

— Знаешь, иногда самое страшное не в том, что человек говорит, а в том, чего он не говорит, — тихо сказала Лиза, когда Анна замолчала, вытирая щёки ладонью. — Это молчание вытягивает силы. Ты имеешь право злиться. И плакать. И вообще ничего не хотеть.

Анна кивнула, чувствуя, как внутри понемногу отпускает тугой узел.

— А ещё... знаешь, сегодня случилось кое-что странное, — вдруг добавила она, и голос её чуть дрогнул, но уже не от грусти, а от чего-то другого. — Я стояла на остановке, промокшая, злая на весь мир, и тут подошёл парень. Кирилл. И просто отдал мне свой кофе. Ничего такого, просто... он не смотрел на меня так, будто я должна быть какой-то особенной, чтобы заслужить каплю внимания. Он просто был рядом.

Она замолчала, будто сама удивилась тому, что рассказала. А потом вдруг улыбнулась — впервые за этот тяжёлый день. И эта улыбка была не про радость, а про облегчение, про то, что мир не рухнул, даже если что-то в нём сломалось.

— И знаешь, когда он ушёл, я не почувствовала себя брошенной, — продолжила Анна, глядя куда-то в сторону, будто заново проживая тот момент. — Я почувствовала... что могу ещё немного подождать. Что не обязана прямо сейчас всё чинить.

Лиза чуть прищурилась, будто пыталась разглядеть в этом рассказе что-то важное.

— Звучит так, будто этот парень тебе не просто кофе дал, а вернул немного веры в людей.

Анна снова кивнула, и тут её глаза вдруг загорелись — так ярко, что даже усталость на секунду отступила.

— Он ещё дал мне свой номер. На салфетке, представляешь? Так по-детски, так нелепо... и так искренне. А я не дала ему свой, потому что сейчас не готова обещать, что отвечу. Но мне приятно, что он есть. Что где-то есть человек, который не ждёт от меня ни драмы, ни объяснений, а просто может написать: «Сегодня соседская собака опять на меня лаяла».

Лиза улыбнулась, и в этой улыбке не было ни намёка на ревность или скепсис — только искренняя радость за подругу.

— Знаешь, иногда именно такие мелочи держат на плаву. Не великие поступки, а вот это: кофе, салфетка, пара слов про собаку.

Анна вздохнула, и впервые за вечер этот вздох был не тяжёлым, а освобождающим.

— Мне просто нужно немного времени, Лиз. Чтобы перестать ждать ответа, которого, наверное, не будет. Чтобы перестать чувствовать себя виноватой за то, что я вообще что-то чувствую.

— У тебя есть это время, — твёрдо сказала Лиза. — И если хочешь, мы можем вообще больше не говорить про Максима. Можем про этого Кирилла. Или про собак. Или вообще ни про что — я просто посижу тут, побуду с тобой.

Анна улыбнулась, чувствуя, как тепло медленно разливается внутри, прогоняя холод этого дня.

— Давай пока без драм, — тихо попросила она. — Расскажи, что у тебя нового. Хоть что-нибудь. Хоть про кофе, хоть про собаку. Главное — чтобы не про тишину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.